

Дядя

К Л Ю Ч И.

Въ пустынь мертвой было тихо, и эхо гулкое молчало на скалахъ.

Изъ влажныхъ разщелинь гранита не смѣли травы блѣдныя подняться, чтобъ къ солнцу протянуть дрожащія листы.

Они по скалѣмъ стлали стебли свои, спаленные зноемъ пустыни, и росли, каждый мигъ умирая, безъ радостей жизни, безъ яркихъ цвѣтовъ, безъ любви...

Только плѣсень и мохъ разрослись тамъ пышно, широко и гордо.

Любили тамъ гады ползучіе жить, и плѣсенью дышать, и мхомъ сѣдымъ питаться.

Они ползати любили по скаламъ нѣмымъ и угрюмымъ, и грѣти чешую свою на пескѣхъ подъ лучами горячаго солнца пустыни.

Но буря грянула! и тучу принесла, и чернымъ саваномъ одѣла небо надъ пустыней.

Блеснуло пламя свѣтлаго огня, и голосъ грома, раскатясь изъ края въ край, ударилъ!..

Ударилъ!—и проснулось эхо на скалахъ, отвѣтнымъ гуломъ прогремѣло встрѣчу бурѣ.

Ударилъ!—и раскрылись нѣдра скалъ, и звонкіе ключи забили въ небо свѣжею, струею,—и плѣсню смѣлую запѣли надъ нѣмой пустыней.

Ключи пѣли о томъ, какъ томились и ждали они подъ землей, въ тѣсныхъ скалахъ судьбой заключенные, ждали свѣтлаго дня и грозы.

Они пѣли о томъ, какъ давили ихъ мертвыя скалы, какъ силы терялись въ безплодной, тяжелой борьбѣ.

Какъ тоскливо и глухо журчали они въ подземельяхъ глубокихъ, какъ жизни хотѣли, какъ жаждали свѣта, простора.

И пѣли звонкіе ключи о томъ, что радость счастья и

любви придетъ въ пустыню, нахлынетъ свѣтлою волной, и къ жизни возвратитъ загложшую страну.

Они пѣли, что блѣдныя травы поднимутся сочными злаками, что вырастутъ рощи зеленой толпой, и цвѣты расцвѣтутъ на лугахъ.

Что люди въ пустыню придутъ, и свободные, смѣлые, сильные, жадно къ влагѣ поющихъ ключей устами своими прильнуть, и въ роскошной странѣ будутъ жить.

Хвалу грозѣ и громовымъ раскатамъ они пѣли, взметали вверхъ прозрачную струю, и радугу лучей дробили, какъ алмазы.

А гады ползучіе злобно шипѣли. И плѣсни смѣлыя освободившихся ключей плѣнить ихъ не могли.

Они камни въ зубахъ своихъ стали носить въ тѣхъ ущельяхъ, гдѣ пѣли ключи, чтобъ забить ихъ гранитной стѣной.

Они жало свое въ плѣну водѣ погружали, чтобъ ядомъ напоить прозрачную струю и съ нею смерть послать въ пустыню.

Они припадали къ ущельямъ, и тѣломъ ползучимъ своимъ остановить хотѣли бьющую струю, чтобъ мертвенный покой вернуть къ себѣ.

Злобно гады ползучіе мечутся, злобно ядъ выпускаютъ изъ пасти своей и шипятъ,—покоя нѣтъ въ пустынь!

Буря громомъ грохочетъ и вѣтромъ свиститъ, ей вторитъ послушное эхо, а ключи въ сильномъ хорѣ гремятъ и поютъ, и широкой рѣкой несутъ свои воды въ пустыню.

Не долго ждать!..

Устанетъ вихрь, замолкнетъ грозный голосъ бури, туча саваномъ чернымъ съ блестящаго неба спадетъ—и снова придетъ свѣтлый день, но не въ пустынь мертвой просветится онъ!

Русь даровитая
Русь сановитую
Силою духа страшить.

Русь сановитая
Русь даровитую
Силою пули разить.

Русь даровитая,
Кровью залитая,
Раны лечить улеглась.

Русь сановитая,
Чванно-сердитая,
Править страной взялась.

В. В.

Аграрный провокатор.

Какъ вечеръ я несъ
Все кули, кули,—
Въ нихъ овесъ, овесъ...
Ай, люли, люли!..
Кто-же смѣлъ сказать:
„Мужики все жгутъ!..“
Вотъ примѣръ вамъ взять:
Все овесъ крадутъ!..

Дмитр. К.

И скучно, и грустно.

(Размышленія казака).

И скучно, и грустно въ молчаньи толпой разъѣзжать,—
На лонѣ столичной природы...
Нагайки!.. что пользы нещадно и вѣчно хлестать
Безумцевъ, что жаждутъ свободы?
Убить... но кого же?.. Студента—не стоитъ труда,
А смуту убить невозможно.
Въ себя-ли заглянешь,—тамъ совѣсти нѣтъ и слѣда:
И буйство, и смѣлость, и все тамъ ничтожно...
Что шашки?—отъ мѣрнаго зрѣканья ихъ полудугъ
Порой мнѣ становится жутко;—
Казацкій патруль, какъ согласишься съ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

— ы —

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И сколько лѣтъ, народъ голодный
Все ходитъ по цѣпи кругомъ.
Идетъ направо: штыкъ наводятъ,
Налѣво: казаки стоятъ.
Тамъ чудеса: патрули бродятъ
И мирныхъ жителей громятъ.
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ безъ дверей,
И на протоптанныхъ дорожкахъ
Тѣла разстрѣлянныхъ дѣтей.
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны...
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
И кровь смываютъ съ береговъ.
Отряды смѣлыхъ удалцовъ
Тамъ судъ творятъ, не разбирая,
Попавшись встрѣчныхъ убивая.
Тамъ Хрусталева въ темницѣ тужить,
Штрейбхеромъ сенаторъ служить;
Начальникъ съ бабою Ягой
Флотъ потопили боевой.
Министръ тамъ безъ злата чахнетъ...
Тамъ русскій духъ, тамъ русью пахнетъ...
И я тамъ былъ, и я сидѣлъ
И изъ тюрьмы въ окно глядѣлъ,
Какъ цѣпь трещала, дубъ ломался,
Какъ эшафотъ тамъ воздвигался...

.....
.....

Путки

До судебного приговора — журналъ „Паяцъ“ конфискованъ.

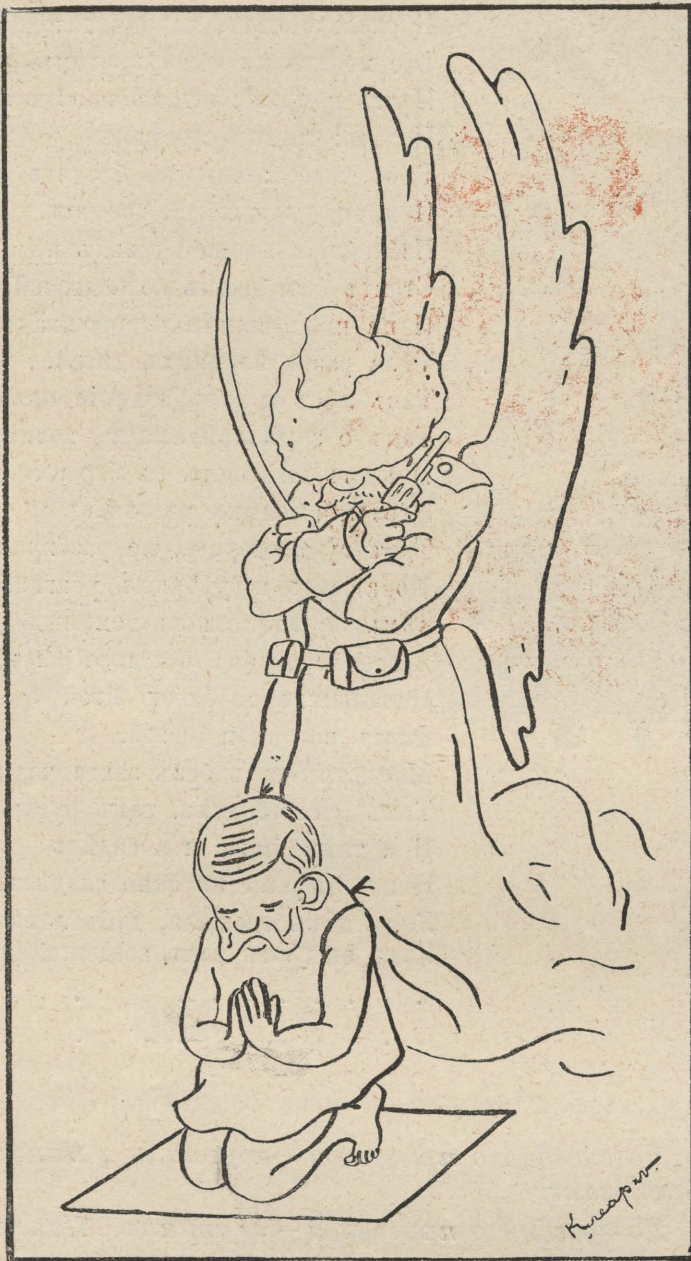
До судебного приговора — журналъ „Паяцъ“ приостановленъ.

До судебного приговора — редакторъ студентъ В. К. Грюнбергъ-Вальмисъ — посаженъ въ тюрьму.

Ожидая судебный приговоръ — редакція возмущаетъ подписчиковъ журналомъ „Паяцъ“, который будетъ выходить вплоть „до судебного приговора“.

Редакція

И ангелъ твой хранитель
Отъ зла тебя спасетъ!..

„Страшное гаданье“.

(Баллада).

Разъ на святкахъ Маша сѣла
Съ зеркалами погадать
Долго Машенька глядѣла..
Ничего въ нихъ не видать..
Вдругъ вся Маша задрожала,
На лицѣ ея испугъ..
Ахъ! и въ обморокъ упала,
Повалилась на сундукъ.
Крикъ услышала мамаша,
Впопыхахъ на крикъ бѣжить..
Передъ нею дочка Маша
Безъ сознанія лежитъ..
Долго Машу тормасили
Валерьянки дали ей..
А опомнилась — спросили,
Что случилось это съ ней.
„Ну скажи! Ты увидала
Неумытаго — „ЕГО“?..
— Хуже! дочка отвѣчала,
Я видала дурново.“

Ювекаль.

Мы не однимъ уже пожертвовали вѣкомъ
Пока до насъ дошелъ свободы первый свѣтъ.
Я думалъ умереть свободнымъ человѣкомъ,
Но у меня такой теперь надежды нѣтъ.
Блеснулъ горячій лучъ... и вотъ его не стало!
Тупой зловѣщій мракъ окуталъ все опять.
О, родина, вступишь! Ужели жертвъ всѣхъ мало?
И снова въ рабствѣ намъ придется умирать!?

Амма.

На мотивъ изъ Гейне.

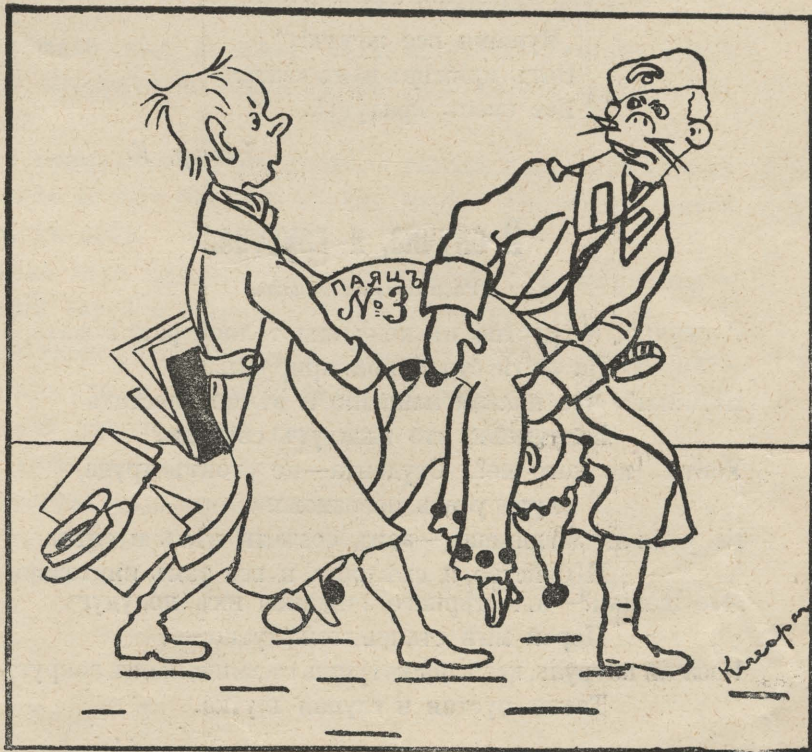
Если ты свирѣпъ и злобенъ,
То тебѣ портфель дадутъ,
Если нѣтъ, — тебя обыщутъ,
Исколотятъ и „возьмутъ“.
Если разсуждать ты любишь,
Лѣзь въ могилу. Эхъ, чудакъ!
Жить лишь тотъ имѣетъ право,
Кто не думаетъ никакъ.

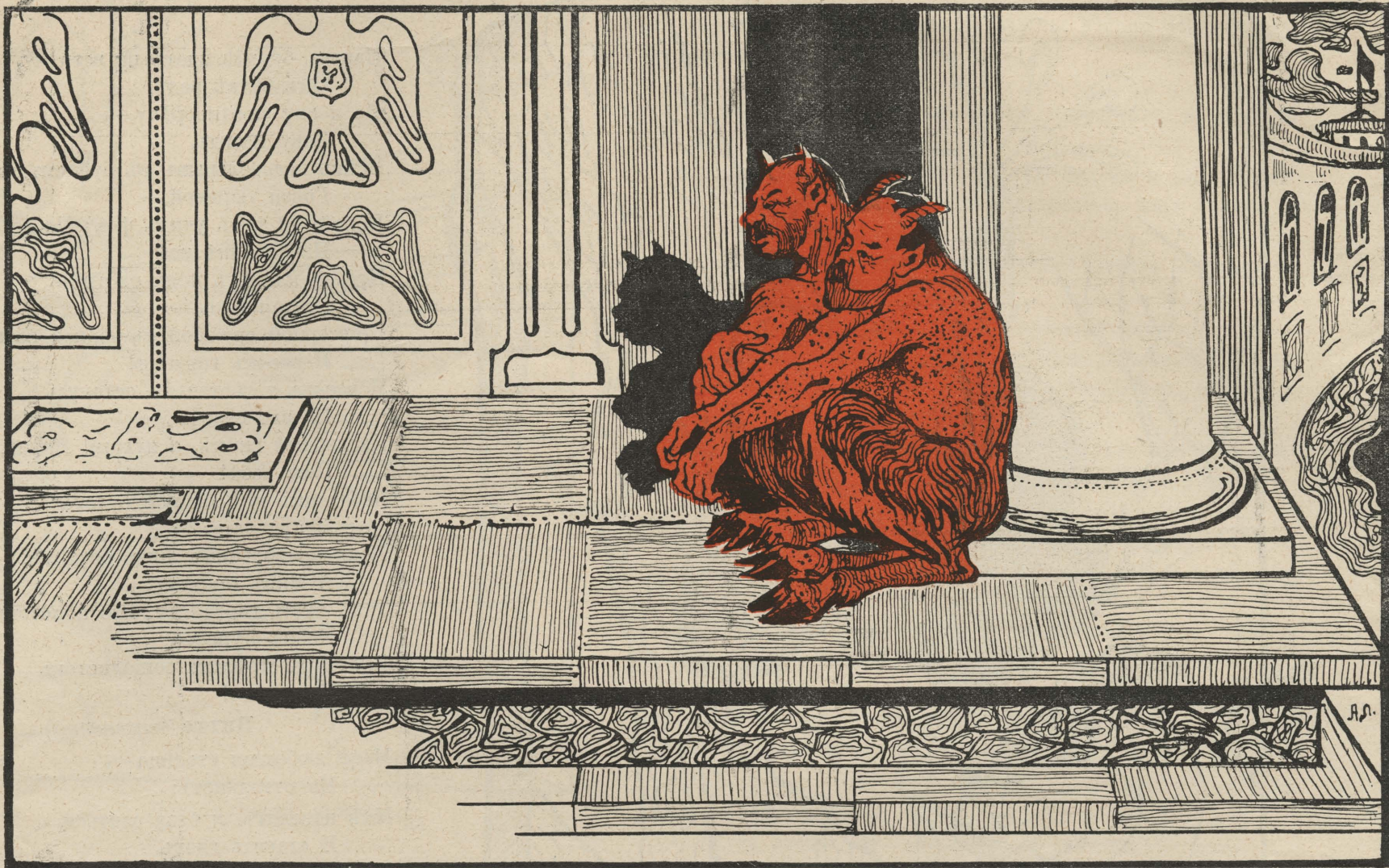
Риголетто.

ПРИЗЫВЪ.

Я членъ правового порядка!
У насъ все и ясно и гладко:
Идите сюда!
У насъ все одни патриоты.
Есть, можетъ, средь ихъ идіоты,
Такъ что за бѣда?
Проводимъ безъ шума и гаму
Повсюду свою мы программу:
Законъ и кулакъ!
О, намъ обвиненье не ново,
Что съ дѣломъ расходится слово:
Вѣдь это пустякъ!
Повсюду людскія есть страсти..
За то благосклонны къ намъ власти
Порядокъ любя,
Идемъ мы тихонько, безъ шуму.
А дай-ка протискаться въ Думу —
Покажемъ себя!

Донъ-Рамиро.

Пѣсня борьбы и побѣды.

(На мотивъ изъ Навс на).

Пусть винтовка и плеть надъ народомъ царятъ,
Надъ залитою кровью страной,
Другъ мой, братъ, ослабѣвшій, замученный братъ,
— Вѣрь въ весну: ты воспрянешь съ весной!
Вѣковое ярмо мощно сбросишь ты съ плечъ
Смѣло въ новый ты ринешься бой!..
Лучше въ честномъ бою смертью славномъ лечь:
— Будутъ сила и вѣра съ тобой—

Чѣмъ въ неволѣ глухой тосковать и страдать!..
Ты рабочій батракъ или баринъ буржуй...
Скоро... близко весна... будемъ крѣпнуть и ждать
Кто-бъ ты ни-былъ: вѣрь и ликуй!..

Юной мощью и царственной силой дыша,
Молодая весна къ намъ придетъ,
Для неравной борьбы пробудится душа
Для побѣды возстанетъ народъ.

И, какъ солнце весной цѣпи зимнія рветъ,
Согрѣвая лучемъ золотымъ,
Жизнь послѣднимъ напоромъ всѣ цѣпи сорветъ
И свободно къ свободѣ людей поведетъ,
Что томились по тюрьмамъ гнилымъ!..

И не будетъ у насъ, ни жестокой пальбы,
Ни казацкихъ плетей, ни штыковъ,
Ни арестовъ, ни казней... ни грозной стрѣльбы
Ни голодныхъ людей, ни рабовъ!..

Ф. Курчинскій.

ЧУМА.

Подъ звонъ штыковъ, подъ окрикъ дикій
Рождая всюду зло сама,
Уже по всей Руси великой
Идетъ реакціи чума.
Пусть отъ раздора и отъ смуты
Вся обезсилена страна,
Вѣдь ждали всѣ такой минуты.
Побѣду легче дастъ она.
Чума идетъ не одиноко.
Толпа насильниковъ за ней,
Поднявши голову высоко,
Растетъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильней
Они идутъ не въ бой кровавый,
Гдѣ нужно кровь свою пролить
Они спѣшатъ за легкой славой,—
Идутъ лежачаго добить.
Сверкаютъ злобой, мстью взгляды,
Нѣтъ воли сердцу ни уму...
Ихъ лозунгъ: не давать пощады,
Нести насилія чуму!

Кто онъ?

Организаторъ смутъ,
Патроновъ истребитель,
Реакціонный кнутъ,
Погромовъ вдохновитель...
Ушелъ сей молодецъ,
Насилія поборникъ:
Назначенъ во дворецъ,
Какъ самый старшій дворникъ!..

—pp—

Народъ борьбѣ идетъ на встрѣчу,
Онъ битвѣ радъ,
Но я ему противорѣчу,—
Зову назадъ,
Всѣмъ недовольнымъ въ буйномъ гнѣвѣ
Грозя тюрьмой;—
Покойный такъ училъ фонъ-Плеве,
Начальникъ мой.
Пускай клянетъ меня охотнѣй
Святая Русь,—
Примѣрной дружбой съ черной сотней
Я все-жъ горжусь!
И все-же я лъстецомъ останусь
На зло судьбѣ...—
Хвалебный гимнъ, о мудрый Янусъ,
Пою тебѣ!
Лабазникъ мнѣ опорой будетъ
И пулеметъ;
Меня крамольникъ лишь осудить,
А Минъ пойметъ!
Такъ пусть горланятъ, что неистовъ
Планъ Дурново
Всѣхъ разстрѣлять социалистовъ
До одного!

Витте (тронутой).

Меня любезная столица
Не оттолкнетъ:
Мнѣ повелятъ, я буду злиться
И славить гнѣть.
Меня попросятъ, и безъ шуму,
Безъ громкихъ фразъ,
Бранить я буду нашу Думу
Въ недѣлю—разъ.
Мнѣ пригрозятъ, и вдругъ сомнѣнье
Прогнавши вонъ,
Скажу, что Дума—откровенье,
Мѣняя тонъ.
Послушай: *Витте съ пьедестала*
Не можетъ слѣзть:—
Пора великая настала:
Въ почетъ лезть!
Витте и Дурново (вдохновенно).
Мы водимъ гражданъ русскихъ за носъ
Вдвоемъ, вдвоемъ...—
Хвалебный гимнъ, о мудрый Янусъ,
Тебѣ поемъ!

Калибанъ.

Изъ подслушанныхъ разговоровъ.

Витте (неожиданно встрѣтивши единомышленника).

Послушай... Тсс... Да ну-те къ бѣсу!..
Куда сѣдѣшишь?

Дурново (Запальчиво).

Я показать хочу Прогрессу
Огромный шишъ!

Сергѣй, чарующъ и прекрасенъ
Одинъ застой;

„Весенній шумъ“ газетныхъ басенъ —
Лишь бредъ пустой!

Народъ горитъ желаньемъ высшимъ
Разрушить гнѣть;

Мы пѣсню радостную слышимъ:
Заря блеснетъ!

Сравнительная таблица населенія.

Заключенные.

Генералъ-губернаторы.

Охрана.

Свободное населеніе.

Я тебя, черта, поймаю...

Портретъ.

На немъ треугольная шляпа,
Мундиръ адмиральскій блеститъ,
И съ боку на поясѣ черномъ
Отточенный кортикъ виситъ.
Украшена грудь орденами,
Мѣшаетъ лишь только одно:
Случайно на бѣлыхъ перчаткахъ
Осталось отъ крови пятно.

Путки.

Сказка.

Куда идешь ты, прекрасный юноша?—спросила дѣвушка, вся пронизанная яркимъ свѣтомъ мысли, молодого путника съ блѣднымъ, мужественнымъ лицомъ, съ горящими глазами.

— Искать правды!—отвѣтилъ юноша твердо.

— Но ты не найдешь ее тамъ, куда идешь, ты встрѣтишь тамъ одну смерть!—сказала дѣвушка.

— Нѣтъ, — возразилъ юноша, — я иду туда, гдѣ живетъ всесильный человѣкъ, у него я найду правду.

— Не ходи, — сказала дѣвушка, — человѣкъ, къ которому ты идешь, — ничтоженъ, слабъ, онъ трусъ, онъ не дастъ тебѣ того, что ты ищешь, не ходи къ нему.

Въ глазахъ дѣвушки свѣтилась бездна участія и глубокая скорбь, потому что она знала, что ожидаетъ юношу на его пути.

— Я не могу не идти, — отвѣчалъ юноша, — самъ я и братья мои страдаютъ отъ нищеты и несчастья, они сгибнутъ на моихъ глазахъ, я хочу правды и новой жизни. Я не могу не идти,

Безполезны были мольбы дѣвушки. Юноша ушелъ туда, куда влекла его слѣпая вѣра.

Стой, и не шагу дальше!—рѣзко прозвучалъ въ воздухѣ холодный голосъ смерти.

Юноша содрогнулся—смерть была сильна и беспощадна.

— Пусти меня, — сказалъ онъ твердо—я ищу правды, и не остановлюсь даже передъ тобой!

— Въ такомъ случаѣ поборемся, — сказала съ кривой усмѣшкой смерть.

— Поборемся, — согласился безстрашный юноша.

Они боролись недолго. Всего одинъ день. Къ вечеру юноша лежалъ на землѣ, въ крови, съ безжизненнымъ, мертвымъ лицомъ.

— Ну теперь ужъ онъ не пойдетъ искать правды!—сказала смерть, заглянувъ въ его потухшіе глаза, и ушла. . .

Среди ночи юношу нашли друзья. Они перевязали его безчисленные раны, они отнесли его къ себѣ, дали ему пищу и пріютъ.

— Теперь ужъ я не пойду искать правды къ человѣку, — сказалъ юноша, поднявшись и почувствовавъ въ себѣ вернувшіяся къ нему мужество и силу.—Теперь я хочу борьбы, хочу смерти врагамъ и себѣ, потому что ненавижу свою жизнь; лучше смерть, чѣмъ страданье безъ конца!

И онъ снова тронулся въ путь и снова повстрѣчался съ дѣвушкой, пронизанной яркимъ свѣтомъ мысли.

— Куда идешь ты?—спросила его свѣтлая дѣвушка.

— На смерть!—отвѣчалъ онъ, и дѣвушка поразила силой его возмужавшаго голоса.

— Я пойду съ тобою, — сказала она, — потому что люблю тебя и умереть съ тобою для меня счастье.

— Идемъ, — сказалъ юноша, — твоя любовь придаетъ мнѣ силы, идемъ: умереть вовсе не страшно!

Смерть уже стояла на дорогѣ, готовясь снова преградить путь юношѣ, но смутилась при видѣ свѣтлой дѣвушки, потому что знала силу мысли.

— Смерть, хочешь идти со мной? — обратился къ ней юноша, — я теперь не ищу правды, теперь я хочу смерти.

— И я иду съ тобой, отвѣчала смерть, — я сдѣлаю тебя въ тысячу разъ сильнѣе, хотя ты уже довольно силенъ и такъ, потому что пришелъ съ нею, — указала она на дѣвушку. — Я сдѣлаю тебя еще сильнѣе, продолжала она, коснувшись костлявыми руками его плечъ, — я сдѣлаю тебя непобѣдимымъ! — и юноша выросъ въ объятіяхъ смерти въ гиганта, покрытаго желѣзной броней.

— А она будетъ твоимъ щитомъ, — сказала смерть, цѣлуя желтыми губами свѣтлую дѣвушку, и огромный щитъ заблесталъ въ рукахъ юноши, освѣщая собой долину, лежащую передъ нимъ.

Какъ съ высокой горы смотрѣлъ юноша, выросшій въ гиганта, на равнину, лежавшую у его ногъ.

По равнинѣ ползали кучками пигмеи; они двигались и шумѣли, они звенѣли оружіемъ и всѣ шли на него, на молодого гиганта.

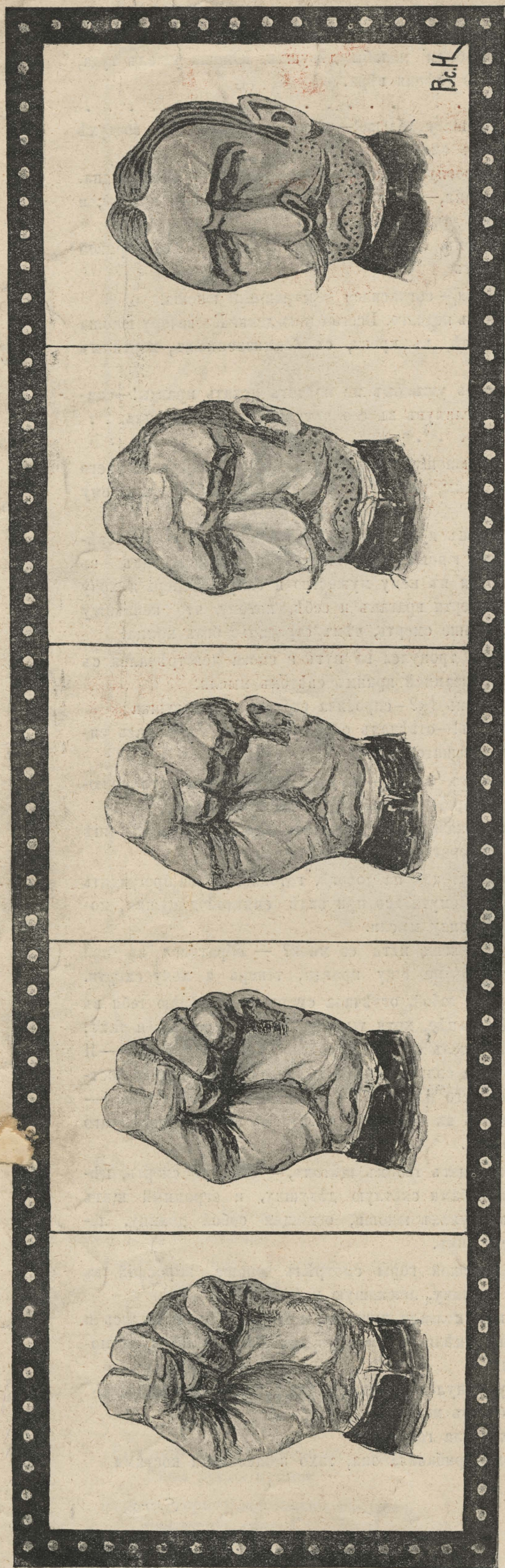
Юноша улыбнулся и сказалъ, указывая смерти на долину.

— Она будетъ моя!

Смерть кивнула головой.

— И моя—прибавила она, тихо поцѣлывая костями.

Spiro.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ

„ПАЯЦЫ“

Выходить еженедѣльно отъ 8—12 стр., въ краскахъ.

на 12 мѣс. съ пер — 4 руб., 6 мѣс. — 2 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи, Англійскій проспектъ, д. 40, кв. 7.

Въ книжномъ магазинѣ газеты „Наша Жизнь“, Невскій пр., 19.

„ „ „Русской Газеты“, Невскій пр., 52.

„ „ „Трудъ“, Невскій пр., 60.

Отдѣльные №№ у газетчиковъ и въ кіоскахъ.

Самаръ — у П. С. Фортунатова.

Баку — газетное бюро Г. Газанцанцъ.

„ — „ „Гварамадзе.

Сувалки — у С. Я. Левиновскаго.

Минскъ — у. М. О. Герасимовой, Михайловск. ул., д. Трукшина

Ковно — І. А. Левина, Николаевск пр.

Харбинъ — кіоскъ возлѣ Русско-Китайскаго Банка.

Кіевъ — отд. у пом. пр. пов. М. Г. Вилинскаго.

Севастополь — у А. О. Полишевскаго, Екатерин. 52.

Перми — у Анферова.

Въ Москвѣ: въ книжномъ складѣ Ефимова, Б. Дмитровка, д. Бахрушина.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

ПО ДѢЛАМЪ РЕДАКЦІИ ПРИНИМАЮТЪ:

Секретарь отъ 12—1 час. дня: по понедѣльникамъ, средамъ, пятницамъ; редакторъ вторникъ, отъ 6—7 час. веч., четвергъ, отъ 12—1 час. дня, по субботамъ отъ 11—12 час. дня.

Телефонъ № 237—99.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакторъ-Издатель В. М. Вышомирскій.